

Рассказ о войне

[Записал со слов своей бабушки С. Быканов, заместитель декана ИТ факультета]

#16-17 от 24.06.2010

К 65-летию Победы

В детстве я любил фильмы и рассказы о войне. Они будоражили мое воображение и давали толчок фантазии. Я часто представлял себя сражающимся с фашистами. Мне живо представлялось, как я, вместе с моими друзьями, стреляю по немцам из окна своего дома. Немцы стреляют в ответ. Мы перебегаем в другую комнату или на другой этаж и снова ведем огонь. Иногда я представлял, как мы с друзьями устраиваем засаду где-то в лесу или в поле. Война в моем воображении была интересным приключением с увлекательной стрельбой, бесконечными погонями и рукопашными схватками, из которых я, конечно же, всегда выходил победителем.

Чтобы получить больше пищи для своей фантазии, я расспрашивал о войне свою бабушку. Ей тогда было около 30 лет, и она хорошо помнила те годы. Но, к моему сожалению, ничего интересного в ее рассказах не было. Бабушка рассказывала о скучных, на мой взгляд, вещах: об эвакуации, о бомбежках на переправах, о том, как она трудилась в тылу. Ничего героического и красивого в этих рассказах не было. Но бабушка часто вспоминала о тех событиях, и ее рассказы крепко запомнились мне. Лишь теперь я понимаю, что в рассказах моей бабушки – человека, пережившего те страшные годы, была суровая правда о войне. Я понимаю, что война – это не интересное приключение со стрельбой и погонями, а страдания, лишения, боль, страх и ужас. Конечно, там есть место и героизму, и мужеству, но прежде всего война – это разрушение и смерть.

Мне хочется рассказать об одной истории, свидетелями которой были моя бабушка и мама. События, о которых пойдет речь, произошли летом 1942 года под Воронежем.

Муж моей бабушки – мой дед, пошел добровольцем на фронт в 1941 году. У бабушки на руках осталась дочь – моя мама, которой тогда было 4 года. Они эвакуировались из Харькова в 1941 году вместе с авиационным заводом в город Воронеж. В 1942 году немецкие войска начали летнее наступление, прорвали наш фронт и подошли к Воронежу. В городе началась паника. Все спешили его покинуть. Моя бабушка с мамой оказались в числе беженцев. Они уходили на восток от Воронежа, подальше от наседавшего врага. Дорога, по которой они шли, была забита людьми, лошадьми, повозками, телегами. Техники было мало. По одной стороне дороги шли наши отступающие войска, по другой – беженцы. В основном все шли пешком. Военные несли на себе оружие, а беженцы – пшеницу и вещи, завязанные в узлы или уложенные в чемоданы. Тогда было трудно с продовольствием, и, чтобы не голодать, люди брали с собой в эвакуацию зерна пшеницы. Пшеницу можно было размолоть в муку и выпечь хлеб или поменять на другие продукты. Сейчас нам тяжело представить, как было трудно в те суровые времена, как было голодно, насколько была разорена страна. Люди брали с собой в дорогу не сыр или колбасу, не яйца, сваренные вкрутую, не жареную курицу и даже не хлеб с маслом, как это делаем сейчас мы,

отправляясь в путешествие или командировку. Чтобы не умереть с голоду, чтобы выжить, люди брали с собой зерна пшеницы. Других продуктов не было.

У моей бабушки тоже было немного пшеницы. Это богатство она пересыпала в кусок простыни, которую завязала узлом. В другой узел бабушка положила вещи. Она связала эти два узла, перекинула через плечо и пошла вместе с моей мамой подальше от наступающих немцев.

Тащить на себе такую неудобную и увесистую поклажу молодой женщине было очень тяжело. Идти приходилось целый день, пешком, под палящим солнцем. Узлы растирали плечо до крови. Иногда бабушка останавливалась, развязывала узел с вещами и выбрасывала самые тяжелые вещи прямо на обочину дороги. Она хотела хоть как-то облегчить свою поклажу, нести которую уже не хватало сил. Другие люди тоже выбрасывали вещи, оставляя только самое необходимое. Обе стороны дороги были усеяны брошенными чемоданами, куртками, пальто, обувью, другой одеждой и домашним скарбом. Иногда моей бабушке удавалось присоединиться к какой-нибудь отступающей военной части. В основном это были хозяйственные войска. Тогда сердобольные солдаты разрешали моей бабушке погонять скотину или править лошадьми, а моя маленькая мама сидела в телеге, вместе с узлами. В те времена в Красной Армии основным средством передвижения была лошадь. Поэтому в отступающих войсках чаще можно было встретить лошадей с повозками и телегами, а не машины с прицепами и тягачами.

Несколько раз на дорогу налетали немецкие самолеты. Они летели низко, на бреющем полете и стреляли из пулеметов. Заслышав звук приближающегося самолета, все разбегались подальше от дороги. Люди убегали в поля пшеницы, стоявшие вдоль шоссе. Пшеница была высокая, и бабушка ничком падала на землю, закрывая собой мою маму. Иногда любопытство брало верх, и она с ужасом смотрела, как к ним с воем приближается вражеская машина. Один раз самолет пролетел так низко, что моя мама и бабушка видели лицо немецкого летчика.

По дороге моя бабушка познакомилась с одной женщиной. Она тоже шла с узлами, которые до крови растирали плечи, и тоже спасалась от немцев. Она была с двумя дочками. Одну дочь звали Тамара. Ей было около 9 лет. Другая была красивая молодая девушка лет 15 с роскошными волосами каштанового цвета. Эта семья была богаче моей бабушки с мамой, и вещей у них было больше. Много у них было и еды, особенно пшеницы. Поэтому узлы у них были тяжелые и громоздкие. Они дорожили своими вещами и продовольствием.

В полдень показалась переправа через реку. Мост был узкий и все не могли быстро перебраться на другой берег. Кроме того, возле моста стоял армейский заслон, который возвращал отступавшие военные части назад, в Воронеж, чтобы организовать оборону и вывезти из города раненых.

Возле моста скопилось много людей. Здесь были беженцы с узлами, котомками, чемоданами, крестьяне с телегами и лошадьми, военные с оружием, повозками, ранеными, машины со снаряжением и боеприпасами. Все оказались возле моста, все хотели переправиться через реку. Люди, лошади, повозки, машины тонули в неясном гуле из криков, ругани, лошадиного ржания, скрипа телег и колес, шума моторов. Над всем этим

висело облако пыли, а еще выше синело летнее небо и жарко светило солнце.

Бабушка подняла голову и увидела, как в небе кружатся черные галочки. Это были немецкие бомбардировщики, которые прилетели бомбить переправу. Она вспомнила слова своего мужа, который при расставании говорил: «Паша, если что случится, бросайте все и убегайте. Спасайте свою жизнь!»

– Бежим отсюда! – сказала бабушка подруге.

– Подожди, Паша, – ответила она, – не так быстро. Нам нужно захватить вещи.

– Бросай все, сейчас начнется! Бежим в поле!

Бабушка бросила все свои вещи. Вместе с моей маленькой мамой они побежали в поле, в пшеницу, подальше от переправы. Вместе с ними побежала и младшая дочь попутчицы – Тамара, а старшая осталась вместе со своей мамой. Они надеялись оттащить свои вещи подальше от переправы.

Как только бабушка добежала до безопасного места, началась бомбежка. Бабушка говорила: «И тут немец как ахнул!..»

Когда немецкие самолеты улетели, моя бабушка взяла за руку двух детей и пошла назад, к переправе. Нужно было разыскать свои вещи и узнать, что случилось с подругой и ее дочерью. Она нашла их недалеко от переправы. Они не успели выйти из бомбежки. Когда начался налет, мать и дочь, спасаясь от взрывов, легли на землю у забора. Рядом упала бомба. Мать осталась цела, а у дочери взрывной волной оторвало обе ноги. Она лежала в полном сознании, истекая кровью. Обезумевшая мать пыталась хоть чем-то помочь дочери. Рядом проходил солдат.

– Дяденька, пристрелите меня! – попросила несчастная девушка.

Вскоре она умерла на руках у матери от потери крови и болевого шока.

– Тогда, – говорила мне моя бабушка, – мы вырыли огромную яму. Копали все, кто уцелел после бомбежки. В эту яму бросали всех: и людей, и лошадей, и военных, и гражданских, и мужчин, и женщин, и детей. Всех, кто погиб. Затем ее закопали и пошли дальше.

– А сколько тогда человек погибло? – спрашивал я бабушку.

– Ой, внучек, кто их тогда считал...

Говорят, что война закончится только тогда, когда будет похоронен последний солдат, последний погибший, когда станут известны все их имена. Наверное, эта война для нашего народа еще очень долго не закончится. Потому, что таких безымянных могил много. Очень много. Кто их тогда считал...